

НАТАЛИЯ АМБРИ

НЕПРАВИЛЬНЫЙ РОК-Н-РОЛЛ

Серия «Колумбиада»

Наталия Амбри
Неправильный рок-н-ролл. Серия «Колумбиада»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23303953
ISBN 9785448388965*

Аннотация

Злой рок неумолимо преследует известного певца и музыканта Алана Северцева. В него стреляют и пытаются отравить. Его дочь сбивает машина, а друзья уходят в мир иной при весьма странных обстоятельствах. Количество несчастий, свалившихся на певца, зашкаливает. А не имеет ли злой рок человеческое лицо?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Неправильный рок-н-ролл

Серия «Колумбиада»

Наталия Амбри

© Наталия Амбри, 2017

ISBN 978-5-4483-8896-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Конец 2008 года

Предпраздничную суету я люблю ничуть не меньше, чем сам праздник Новый год. И не беда, если погода в предновогодний вечер окажется далеко не идеальной...

Огромные рыхлые хлопья мокрого снега, будто рассви-репевшие пчелы, сновали в разных направлениях, норовя впиться в глаза, залететь под шапку или набиться в капюшон. Однако на асфальте их свирепость исчезала, как исчезали, растворившись в лужах, и они сами. И все же, никакие погодные капризы не могли испортить моего радостного настроения (и не только моего) в этот предновогодний вечер.

Улицы были заполнены пешеходами, шагающими по мокрому снегу и глазающими на сверкающие разноцветными огнями витрины. Зеваки не имели ни одного шанса вовремя избежать брызг, которые щедро раздавали автомобили, снующие по шоссе. Не миновала эта участь и меня.

Проходя мимо супермаркета с огромной витриной, я замедлила шаг и улыбнулась. За стеклом по игрушечным рельсам ездил разноцветный деревянный паровозик с длинной платформой, на которой стояли снеговик, голубая ваза с мандаринами и белоснежная елка, украшенная красными шарами. Следующая витрина заставила меня и вовсе оста-

новиться. Игрушечная белка поздравляла прохожих с Новым годом, поворачивая милую головку то влево, то вправо. Из новогодней сказки в голую реальность меня вернул обжигающий холод брызг, который я почувствовала через шерстяные лосины. Отпрыгивать в сторону было уже поздно, не было смысла и чертыхаться, поэтому я обреченно принялась чистить свой пуховик. Вскоре ко мне присоединилась моя подруга Вита, которая очень предусмотрительно забежала в этот самый супермаркет пополнить телефонный счет. Приведя в порядок, насколько это было возможно, мое пальто, мы продолжили прогулку. Я не преминула случая рассказать подруге об открытом уроке, который на высоком уровне провела в своем любимом 3-Б. Обогнав идущих впереди меня пешеходов на узком переходе, совершенно уверенная в том, что моя подруга неизменно следует за мной, я продолжила описывать открытый урок. И только после того, как совсем незнакомый мужчина участливо поинтересовался: «Почему Зоя Звонова выбежала из класса?», я заметила отсутствие Виты и оглянулась. Застыв на месте, она буквально «приклеилась» к афише. Увидев, что подруга и не думает идти дальше, я подбежала к ней и схватила за рукав. От неожиданности она вздрогнула.

– К нам прилетает НЛЮ? – улыбнулась я и вслух, на одном дыхании, прочитала текст афиши, которая приковала ее внимание:

«Концерт знаменитой рок-группы Алана Северцева».

– «Алана Северцева...» – уже тише повторила я и участливо посмотрела на подругу, по щекам которой текли слезы.

«Не забыла», – подумала я, вспомнив историю, которую рассказала мне Вита.

– Нет, Соня, не забыла, – будто прочитав мою мысль, дрожащим голосом проговорила она и оглянулась назад, словно там, в снежной мгле, могла разглядеть себя, студентку-первокурсницу, и ту роковую ночь...

31 декабря 2000 года

Кажется, все жители города собрались на площади встречать Новый год. И вот уже гаснут в морозном воздухе последние огни праздничного фейерверка. Но горожане не расходятся, их взгляды устремлены на сцену, расположенную в центре площади. Все присутствующие с нетерпением ждут выступления своей любимой рок-группы «Летающие в бездну». Наконец, грянули первые аккорды. Одного легендарного участника за другим выхватывает из темноты свет прожектора. Вот показалось красивое нервное лицо Алана Северцева, солиста группы и любимца женщин, хрипловатый голос которого доводит их до экстаза. Вот зрители встретили аплодисментами клавишника Захара Конева, потрянувшего черной шевелюрой. А вот купаются в рукоплесканиях бас-

гитарист Эдгар Чуев, длинноволосый блондин в черных очках, и совершенно лысый ударник Нестор Лавочкин. Визгами и криками встречают зрители Сержа Купалина, гитариста и вокалиста с нежным девичьим лицом в ореоле русых кудряшек. Поклонницы, толпящиеся возле сцены, не сводят глаз со своих кумиров. После окончания концерта они гурьбой плетутся за музыкантами, которые направляются в гостиницу, находящуюся тут же на площади. Фанатки ринулись было в здание, но им, грозя вызвать милицию, преградила путь дородная администратор. Девушки остановились перед стеклянной дверью, которая вскоре покрылась рисунками и надписями, сделанными помадой и косметическим карандашом. Потом они принялись выкрикивать имена своих кумиров, выстроившись полукругом возле крыльца. Вдруг за стеклянной дверью гостиницы показался клавишник группы Захар Конев, черная шевелюра которого свела с ума не одну юную деву. Фанатки зашлись пронзительным криком. Он же, выйдя к ним, поднял руку, требуя внимания.

– А помните, что говорил Алан о прародителе рока, рок-н-ролле, о правильном рок-н-ролле? – Захар сделал ударение на предпоследнем слове. – Музыка, призванная злить предков, музыка-бунт молодого поколения – это и есть правильный рок-н-ролл, – с пафосом окончил свою речь Захар Конев, после чего гром аплодисментов и восхищенные крики поклонниц не заставили себя долго ждать. Затем он мед-

ленно двинулся вдоль строя фанаток, оглядывая их с головы до пят.

– Ты, – вдруг ткнул он пальцем на одну из девушек.

Та, похлопав в ладоши, взбежала по ступенькам и вскоре победоносно взирала на заплаканных подруг из холла гостиницы через стеклянную дверь.

– Ты, – бросил он миловидной блондинке, которую, рядом стоящая фанатка, назвала Витой.

Девушка пришла в замешательство, она совсем не ожидала такого поворота событий. Однако в нерешительном состоянии ей долго находиться не пришлось. Поклонницы, стоящие за спиной, просто вытолкали ее из толпы.

Отобрав пять девушек по количеству человек в группе, музыкант красиво улыбнулся менее везучим фанаткам и, крикнув: «Бай, бай!», закрыл дверь гостиницы с другой стороны.

Первым желанием Виты, когда она очутилась в холле, было бежать отсюда. И она сделала бы это, если бы не толпа почитательниц, стеной загородивших вход. Хотя, какое ей дело до них?! Вита оглянулась. Лифт уже рядом. Ну, бежать! Еще не поздно выскочить из него. Сейчас или никогда. Не успела. Лифт взмыл вверх.

Из номера, возле двери которого остановились девушки во главе с Захаром Коневым, долетали пьяные голоса.

– Ну, что, красавицы, – весело обратился к фанаткам клавишник, – идем на штурм?

– Да-а! – закричали девушки, как можно развязней, чтобы скрыть свою робость.

– Тогда, «Сим-сим», откройся!

Захар торжественно распахнул дверь и объявил:

– А у нас прекрасные гости.

В комнате, которая служила гостиной, было грязно, как в хлеву. На столе, на полу, на рояле стояли и валялись пустые бутылки из-под пива, водки и вина. Невозможно было пройти по комнате и не задеть ногой апельсиновую или банановую кожуру, или разорванные бумажные и полиэтиленовые пакеты. Сам Алан Северцев, шатаясь, подошел к девушкам и, недолго думая, вцепился в руку Виты, а затем, сплюнув сквозь зубы, бросил: «Моя!» Другие члены группы последовали его примеру, выбрав себе по девушке. Кто-то врубил на всю громкость музыку и веселье началось.

Вита много раз во сне и наяву представляла себе встречу с кумиром. Все эти грезы были возвышенными и утонченными. То она видела себя в ресторане вместе с Аланом. У них в руках по бокалу шампанского. Они смеются, затем целуются. То представляла себя в белоснежной шелковой постели. Вот входит Алан и обсыпает ее и простыни лепестками красных роз, но сейчас...

Северцев втащил ее в другую комнату с огромной кроватью, на которой тоже валялись бутылки, и, грубо толкнув на измятую постель, бросил:

– Раздевайся!

Вита робко села на краешек кровати, боясь шелохнуться.

– Раздевайся, ну! – бросил Алан и, еле держась на ногах, стал стягивать с себя брюки.

Девушку бил озноб, она дрожала всем телом, а страх сковал ее движения. Вскоре кумир, шатаясь, стоял посередине комнаты совершенно голый и омерзительный.

– Но я... но мне... пора домой, – наконец выдавила из себя девушка.

– Что-о?! Сама ворвалась ко мне, а теперь... Ах, ты, сука!

Потом все произошло с ужасной быстротой. Алан, казалось, еле державшийся на ногах, в одно мгновение очутился рядом с ней и, повалив на кровать, грубо ею овладел. Какое-то время она лежала с закрытыми глазами, приходя в себя. Когда же услышала храп Северцева, встала с кровати, поправила юбку и подошла к шкафу с большим зеркалом. Кое-как пригладила взлохмаченные волосы, вытерла отпечатавшуюся под глазами тушь, со щеки смахнула размазанную помаду, затем дрожащими руками застегнула блузу на оставшиеся пуговицы. Разыскав сумочку, Вита подошла к двери и прислушалась. В гостиной было тихо. Девушка осторожно открыла дверь и на цыпочках вышла из комнаты. Миновав разостланный диван, где вповалку спали музыканты и фанатки, Вита сняла с вешалки шубку и, незамеченная, выбралась из номера. Она шла по коридору, на ходу одеваясь и моля бога, чтобы ее никто не увидел. Была половина пятого утра. Как раз то время, до которого, после праздничного застолья,

дотягивали единицы. Вита закрыла за собой тяжелую дверь гостиницы и с огромным облегчением вдохнула морозный воздух. Ей вдруг ужасно захотелось домой к маме в уютную, чистую кухню с горячим чаем и большим куском новогоднего пирога...

Глава 2

31 декабря 2008 года

До встречи Нового года осталось полчаса. Я и мои подружки Вита Караваева, Лиля Котик и Жанна Иволгина в нарядных платьях с серебристыми «рожками» на головах (чтобы задобрить Быка – хозяина наступающего года) под новогодние песни, доносящиеся со всех уголков квартиры, бегаем из кухни в гостиную и обратно,нося блюда на праздничный стол. И вот, когда я торжественно водрузила в центр стола блюдо с запеченным гусем и заслуженно растянулась на диване, неожиданно раздался звонок в дверь.

– Соня, мы будем не одни? – многозначительно улыбнулась Витка, глядя на меня.

– Не зна-аю, – раздумывая, кто бы это мог быть, протянула я. – Женя по всему миру ловит похитителей шедевров, мама у приятельницы, – уже полупшепотом добавила я и медленно направилась к двери, чувствуя за спиной дыхание подруги.

Перед самой дверью я так резко затормозила, что Виткины «рожки» вонзились в мой затылок и запутались в волосах.

– А давайте не будем открывать, – предложила Жанна, пришедшая нам на помощь.

– Правильно, девочки. Открывать не будем, – согласилась

с подругой и Лилька, наблюдавшая за нами из комнаты.

Вдруг за дверью раздался чей-то возмущенный голос, вскоре перешедший в неистовый крик.

Мы прислушались.

– Как это «не будем открывать»?! А?! Ишь ты, «не будем открывать»!!! – возмущался голос за дверью.

– Что вам надо? – спросила я, пытаюсь выбраться из рук Жанны, которая скрупулезно работала над освобождением моих волос от злополучного новогоднего украшения.

Голос непрошеного гостя, как ни странно, показался мне знакомым. И я, наконец, освободившись от «рожек», прильнула к «глазку».

Из-под совершенно мокрой вязаной шапки неопределенного цвета на меня гневно смотрели круглые карие глаза подростка. Его преогромный синий от холода нос, достигший в «глазке» размеров баклажана, то уменьшался, то увеличивался в зависимости от того, насколько близко незнакомец подходил к двери. Его губы, похожие на гигантский вареник, что-то беспрестанно выкрикивали.

Я же всматривалась и всматривалась в лицо «гостя», перебирая в уме всех знакомых, имеющих детей подросткового возраста.

«Да нет, не может быть!» – вдруг осенило меня. – Дина, это ты?! – закричала я, все еще не веря своим глазам.

– Нет, блин, Дед Мороз с косичками, – раздался возмущенный голос из-за двери. – Снегурочка с усами, – не уни-

мался он.

– Динка!!! – радостно воскликнула я и, отворив дверь, бросилась обнимать изрядно продрогшую подругу. – Я думала ты в Италии, а ты...

– Позже расскажу... Я уж... грешным делом... представила, как в новогоднюю ночь упаду здесь... прямо перед дверью... на родине... смертью храбрых, – бубнила обиженная Динка, целуя меня в обе щеки трясущимися ледяными губами. – Принимай багаж... дай чая... самого горячего... замерзла до жути.

Я взяла огромный пакет и сунула его Вите. Затем сняла с Динкиного плеча коричневую кожаную сумку и передала Жанне, сама же, схватившись за лямку, затащила в коридор потрепанный синий рюкзак.

Динка, быстрая в движениях, рывком сняла шапку, ментально растегнула молнию на яркой мальчишеской курточке, которую со злостью буквально содрала с себя, и сбросила с ног великоватые, изрядно поношенные кроссовки. Дальше мы едва успевали следить за ее движениями. Став на колени, она разостлала на полу курточку, швырнула на нее шапку, свитер, кроссовки, затем, завязав ее узлом, решительно поднялась с пола и, широко распахнув входную дверь, вышвырнула узел со всем его содержимым на лестничную площадку, процедив сквозь зубы:

– Прощай, Италия! Прощай, Антонио!

Мы с девчонками молча наблюдали за гостьей. Мне труд-

но сказать, как долго длилась бы пауза, если бы Жанна, поправив оборки на супермодном платье, вдруг не сообщила:

– Девочки, а до Нового года осталось всего десять минут. Вы готовы?

– Нет! – крикнула Динка, которая осталась в футболке с длинным рукавом какого-то непонятного грязно-серого цвета и джинсах сэкондхэндовского вида. – Я не готова, дайте мне какую-нибудь приличную одежду. Так хочется быстрее избавиться от этого тряпья.

Прежде чем я успела открыть рот, Витка схватила Динку за руку и почти втокнула ее в мою спальню, закрыв за собой дверь.

В течение пяти минут из комнаты не доносилось ни одного звука. Но вот, наконец, отворилась дверь, и... на пороге возникла красавица, в которой вряд ли кто-нибудь мог узнать грязного подростка.

Мы с Динкой выросли в одном дворе старого четырехэтажного дома. Он находился в заводском районе города буквально в нескольких шагах от парка с жасминовыми и сиреневыми рощами, с беседками, увитыми диким виноградом, скрывающим лавочки, на которых любили уединяться влюбленные. А огромный развесистый тополь в центре парка, под которым каждое воскресенье играл духовой оркестр, снится мне до сих пор. После седьмого класса наши пути разошлись. Мои родители получили квартиру в другом районе города, а Динка с семьей переехала к бабушке в Крым. Я

гостила у подруги два раза: один раз после девятого класса, а другой – после окончания университета.

Трехэтажный коттедж, принадлежащий семье Дины, запомнился мне до мельчайших подробностей. Я восхищалась деревянной лестницей с поскрипывающими ступеньками и кабинетом дедушки подруги – профессора археологии, который недавно умер. В кабинете все осталось так же, как было при его жизни. На каждого, кто входил в комнату, с портрета, написанного маслом, смотрели добрые и умные глаза ученого почтенного возраста. Картину окружали многочисленные фотографии в рамках, где были запечатлены его ученики, многие из которых стали известными учеными. Особенно поражала академическая тишина кабинета, обставленного книжными шкафами и различными предметами. На массивном столе из красного дерева и на полках, расположенных над ним, находились различные предметы: несколько рабочих кисточек для очистки объекта, скребок, молоток, долото, несколько брикетов песчаного известняка с артефактами, бронзовый бюст египетского фараона, старинные открытки. Половину стены занимала старинная карта Южного берега Крыма, датированная 1910 годом.

Надо сказать, что именно образ Динкиного дедушки подтолкнул меня к занятиям археологией. А вот моя подруга была совершенно равнодушна к этой науке. Да и в жизни она поступала всегда по-своему, а ее родители, кстати, археологи по профессии, во всем поддерживали и помогали

дочери. Когда почти весь выпускной класс Динки ринулся штурмовать дневные отделения вузов, она сдала документы на заочное отделение в университет управления и финансов и сразу же, не без помощи родителей, конечно, открыла маленькое, совсем незаметное на первых порах, кадровое агентство. А поскольку в городке и его окрестностях строилось множество коттеджей, вилл, частных пансионатов, то необходимость в экономках, горничных, дворецких, садовниках, водителях, гувернантках, поварах и официантах резко возросла. Тут-то агентство «Фирюза» и предложило свои услуги. На поверку такого рода услуги оказались очень даже востребованными не только в маленьком городке, но и в других городах Южного побережья Крыма. Вскоре Динка стала довольно преуспевающей бизнесвумен. Родители, поставив дочь на ноги, уехали в длительную археологическую экспедицию за рубеж. Оставшись хозяйкой огромного дома, Дина посчитала своим долгом модернизировать его, как изнутри, так и снаружи. Девушка развила бурную деятельность, и вскоре дом, расположенный на возвышенности, будто чайка, воспарил над морем. Динка переслала фотки дома мне по электронной почте. Просматривая их, я словно бродила по его светлым комнатам, каждая из которых имела свой неповторимый интерьер. Единственной комнатой, которой не коснулись нововведения, был кабинет бабушки.

Изменился не только дом, но и прилегающая к нему территория.

В саду появились беседки и площадки для отдыха.

Но вот окончилась реконструкция усадьбы, и в огромном доме Динка зажила одна со своим крошечным йоркширским терьером, о приобретении которого сообщила мне как-то по электронной почте. Поначалу, когда «Фирюза» поглощала почти все ее время, она приходила домой только переночевать. Но, когда бизнес уже был налажен, и обученная команда работников прекрасно справлялась самостоятельно, а ей доводилось приезжать в офис всего лишь три раза в неделю для контроля, Динка загрустила. Все чаще и чаще ее стали посещать мысли о браке. Гадалка, к которой вскоре обратилась девушка, предсказала ей скорое замужество, что и случилось ровно через три месяца. Избранником Динки стал Олег Рыбаков – менеджер ее фирмы. Полгода молодожены прожили, как в раю, пока случайно не выяснилось, что новоявленный муженек со старшим бухгалтером фирмы, старой девой Пожарской Марией, потихоньку ее обворовывали. Умывшись слезами и с позором выгнав из фирмы своего мужа и его пассию, Дина с головой ушла в работу.

Я же тогда окончила педагогический университет и получила распределение в школу.

На вторую свадьбу Дины я не смогла приехать, потому что она игралась первого сентября. Мне в это время предстояло знакомство со своим классом, 1-Б. Мы с подругой договорились, что на осенних каникулах я обязательно приеду к ней и познакомлюсь с ее избранником – бизнесменом Леонидом

Стасовым. Но увидеть его мне так и не удалось. Когда я приехала, Дина с ним уже развелась, объяснив это коротко – не сошлись характерами. Утешив подругу, я возвратилась домой и окунулась в работу. Приехать к ней мне не удавалось где-то года три, потому что болела моя мама. И вот в октябре уходящего года я получила открытку от Динки из... Италии. Пожалуй, это все, что мне было известно о подруге детства до сегодняшнего вечера.

Итак, за новогодним столом нас было уже пятеро. Проводив старый Новый год и встретив Новый, объевшись оливье, испробовав немалое количество других яств, от которых ломился стол, а также распив три бутылки шампанского и приняв удобное положение, мы слушали приключения или, точнее сказать, злключения моей подруги детства.

Все началось с того, что Дина, уставшая от одиночества, через интернет познакомилась с итальянцем Антонио, который вместе с «белоснежной яхтой ждет свою единственную». Эти слова подтверждались красноречивым фото, на котором приветливо улыбался красавец с бронзовым загаром, стоя на фоне шикарной яхты. По гостевой визе, оставив бизнес на родителей, вернувшихся к тому времени из-за границы, Динка отправилась к своему жениху, поверив всему, что он писал. Однако сказка обернулась страшной былью, в которой, уже не было белозубого улыбчивого красавца и яхты. Окунув девушку на два дня в рай, «жених» показал ей, что такое ад.

Антонио был владельцем дышащей на ладан пиццерии и заставлял работать свою избранницу по двенадцать часов в сутки в ужасных условиях. Привыкшая к работе Дина, сначала думала, что так и надо, что работает ради своего будущего, но, когда случайно выяснилось, что здесь же трудится законная жена Антонио и его двое сыновей двенадцати и четырнадцати лет, решила уехать. Но не тут-то было! Когда Дина попросила итальянца вернуть ей паспорт, тот накинулся на нее с кулаками, требуя выплатить все деньги, которые он потратил на нее. Как ни странно, выбраться из этого ужаса помогла Динке жена хозяина пиццерии. Женщина вернула ей паспорт, который украла у мужа, дала деньги на проезд, а также одежду, принадлежащую ее старшему сыну. Поздно ночью, едва Диана села в такси, как из дома в одних подштанниках выбежал Антонио и бросился к машине, посылая проклятия в адрес девушки и грозясь отомстить ей, где бы она ни была. Вот и получилось, что на родину Дина приехала как раз под Новый год и прямо ко мне.

– Сидела я, девчонки, в самолете и про себя все повторяла и повторяла: «Домой! Домой из этой проклятой Италии!» – окончила свое повествование моя подруга.

– Да-а-а, вот так приключеньице, – посочувствовала я подруге.

– А что если Антонио пустился за тобой вдогонку, а? – широко раскрыв глаза, вдруг спросила Жанна.

– Глупости, – рассудила Лилька, – вряд ли.

– Девочки, а, может, он того, ненормальный? – предположила Вита и, выпучив глаза, брякнула, – слушайте, а вдруг он связан с мафией?! Вон сколько фильмов поставлено про этих головорезов и...

– Ну, ты загнула, – перебила Лиля. – Посмотри на Дину, на ней лица нет.

Действительно, Дина сидела белая, как полотно. Ее бледность просматривалась даже через румяна.

– Боже мой! – вдруг воскликнула она, чуть не плача, – Антонио знает мой домашний адрес, а там сейчас папа, мама и Тосенька. А вдруг он убьет их?!

– У тебя есть сестра? – поинтересовалась Жанна.

– Нет, я единственная дочь у своих родителей, – неподвижно уставившись на бокал и все еще пребывая в своих невеселых мыслях, ответила Дина.

– Тосенька – это йоркширский терьер, – объяснила я за подругу.

– А может... – начала Витка, в очередной раз решив поделиться своими ужасными предположениями, скорей всего, на мафиозную тему, но я решительно ее перебила.

– Так, девочки, я не позволю вам свести с ума подругу моего детства да еще в Новый год. Я считаю, что сейчас пришло время дружно поднять бокалы за удачное возвращение Дины на родину. Ура!

– У-р-р-а! – дружно подхватили Вита, Лиля и Жанна.

Динка улыбнулась, и празднование пошло своим чередом.

Погостив еще два дня, подруга уехала домой, взяв с меня и девчонок клятвенные обещания приехать к ней летом. Она, со своей стороны, заверила нас в том, что устроит умопомрачительный отдых, который мы никогда не забудем.

Надо сказать, что Дина сдержала слово, и тот отдых в Крыму мы действительно никогда не забудем, в частности я, потому что после него мне долго пришлось избавляться от тика левого глаза. Спустя некоторое время у меня сложилась полная картина событий того лета, но я не стану забежать вперед и расскажу все по порядку.

Глава 3

Начало июля 2009 года

Итак, в этом году жизненные обстоятельства сложились таким образом, что мне и моим подругам не составило большого труда выкроить из своих летних отпусков две недели, которые припали на начало июля, и отправиться на южное побережье Крыма в небольшой приморский городок.

На скоростном поезде до Симферополя мы домчали по-королевски: два двухместных купе СВ были в нашем распоряжении. Я бы никогда не купила такие дорогие места, но получилось так, что покупку билетов мы доверили Жанне, а та перепоручила папочке. Доложив нужную сумму, он и выполнил задание по-своему.

В Симферополе нас встретила Дина на своем «лексусе». Мы погрузили наши чемоданы в багажник, и я, первой распахнув заднюю дверцу машины, шагнула в салон.

– Эй, девчонки, не придавите ребенка! – предупредила Дина.

– Ребенка?! – удивилась я, заметив на сидении лишь дамскую сумочку.

– Тосеньку не придави, – объяснила подруга, – она тоже вас встречает.

Видно, услышав свою кличку, из-за сумки показалась

мохнатая мордочка собачки с глазками-кнопками, которые внимательно уставились на меня. Я протянула руки, чтобы взять собачку, но услышала тихое рычание.

– Тося, детка, – ласково проговорила Динка, – эта тетя – своя, все тети – свои.

К моему большому удивлению, собачка послушала хозяйку, приподнялась, вышла из-за сумки и осторожно приблизилась ко мне.

– Ну же, бери ребенка, – поторопила меня Дина.

– Давай, подвигайся! – в свою очередь подтолкнула меня Жанна, и я, схватив собачку на руки, плюхнулась на сидение. Когда Тосенька деловито расположилась на моих коленях, я с облегчением вздохнула: слава богу, ничего ей не поломала. Мы с Тосенькой оказались посередине. Справа от нас сидела Жанна, слева – Вита, ну а Лиля восседала рядом с Диной на переднем сидении.

– Поехали! – крикнула Динка, и машина плавно вырулила на шоссе.

В салоне тихо полилась легкая музыка, девочки принялись наперебой интервьюировать Динку по разным вопросам, начиная с погоды и кончая рыночными ценами на арбузы и дыни. Я же была увлечена собачкой, которая, немного посидев у меня на коленях, решила ближе познакомиться и с другими «тетями». На дрожащих ножках она перешла к Жанне. Потоптавшись немного по «тете», она продолжила знакомство и, бесцеремонно перейдя через меня, на какое-то

время задержалась у Виты. Обняв ее руки, пахнущие колбасой, Тося, не найдя ни кусочка, по-деловому развернулась и уютно расположилась на моих коленях, воткнув мордочку в мою ладонь.

С этого момента я всецело переключила свое внимание на Динку, которая, не отрывая взгляд от дороги, отвечала на вопросы девчонок. Я изредка бросала взгляд на ее загоревший профиль – профиль красивой решительной женщины с мужской деловой хваткой, заметной даже по тому, как уверенно и умело она вела машину. Но секундочку... Что же делает в салоне крошечный плюшевый мишутка, прикрепленный липучкой к нижней части лобового стекла? По мнению психоаналитиков в основе нашей любви к мягкой братии лежит подсознательное стремление к защищенности, которую дают нам в детстве родители. Значит, самодостаточная и бойкая Динка нуждается в тепле и ласке?!

«Да, подруга, теперь я знаю твой секрет», – подумала я, с сочувствием посмотрев на подругу, весело и непринужденно болтающую с девчонками.

Из рассказа Дины мы узнали, что ее родители, как только она возвратилась домой из Италии, со спокойной душой передали ей «Фирюзу», дом и Тосеньку, а сами укатили в очередную археологическую экспедицию. Однако в огромном доме подруга хозяйничала не одна. В собственном агентстве она наняла себе помощницу по хозяйству, которую звали Люба. Девушка, ровесница Дины, обладающая легким

характером и редкими поварскими способностями, вскоре стала почти членом семьи и поселилась в доме. Садом занимался приходящий садовник Кузьмич, очень серьезный и деловой мужчина средних лет. Он жил на соседней улице в небольшом, но добротном доме с больной женой, за которой трепетно ухаживал. Еще два раза в неделю приходила убирать в комнатах Фатима, восемнадцатилетняя девушка. Она поступала в инженерно-педагогический университет, но провалила вступительные экзамены. Теперь собирается поступать в следующем году, а пока решила поработать.

Вскоре мы въезжали во двор дома, принадлежащего моей подруге. Издали строение действительно походило на белоснежную чайку. Объехав газон с цветущей гортензией в центре, автомобиль остановился напротив крыльца, к которому вела, выложенная ажурной плиткой дорожка, затененная деревянной перголой с вьющимися бордовыми розами. Поднявшись по белым мраморным ступенькам, мы оказались возле широкой двустворчатой двери, сделанной из светлого дерева, по обеим сторонам которой стояли миртовые деревца в горшках, стилизованных под кадки. Мы зашли в светлую прихожую с французским окном. Здесь, посередине, стоял круглый кожаный диван желтого цвета, перед ним небольшой стеклянный столик с флористической композицией, выдержанной в желтых тонах. Во всю стену, обрамленное золотой витиеватой рамой, протянулось зеркальное панно. Углы комнаты украшали напольные вазы с огромными

искусственными красными маками. В следующее мгновение наше внимание привлекли шаги: кто-то торопливо спускался по лестнице.

– Ой, трохы запизнылась! – всплеснув пухлыми руками, произнесла вошедшая в комнату девушка – обладательница красивого полноватого лица с огромными карими глазами, черными бровями вразлет и пухлым смеющимся ртом.

Фигура девушки была крупной, но на удивление гармоничной. Как-то совсем не появлялось желание хоть что-то изменить в ее облике, милом и на редкость домашнем.

– У тебя все готово? – поинтересовалась Динка у своей домработницы.

– Ага, все, – с готовностью ответила Люба.

– Проведи гостей помыть руки и – к столу.

– Пишлы, пишлы, – поторопила нас девушка.

Через несколько минут мы уже сидели за огромным стеклянным столом, на котором стояли тарелки с ароматно дымящимся украинским борщом. Центральное место на столе по праву занимала глиняная миска с горкой аппетитных чесночных пампушек, рядом на тарелке в обрамлении зеленого лука соблазнительно белело тонко нарезанное сало с прорезью.

– Домашнюю еду я гарантирую, – заявила Динка, садясь в центре стола.

Едва мы успели перекинуться между собой несколькими фразами, как зазвонил Динкин мобильник.

– Ой, девочки, простите, это из офиса, – объяснила хозяйка дома и, схватив телефон, выбежала в другую комнату, неплотно прикрыв за собой дверь.

– Слушаю, – донесся до меня голос Дины, – звонили из «Атамаско»? Жалуются на нас?! Но где я им найду двух горничных и гувернантку в разгар сезона? Предлагают любые деньги? Ну, не знаю... Скажи, что ищем... Стараемся... Мол, не хотим терять хороших клиентов и все такое... Да-да, вот так и скажи... Все, у меня гости.

Дина села за стол и задумчиво принялась грызть пампушку, уставившись на крынку со сметаной.

– Проблемы? – тихо спросила я.

– Разберемся, – отмахнулась Дина, зачерпнув ложкой борщ.

На столе появлялись все новые и новые блюда. Я чувствовала, как мой живот становится все больше и больше. Нет, так продолжаться не может, иначе все мои занятия фитнесом пойдут коту под хвост. И я нашла выход из положения: попросила Динку показать свой сад. Та с радостью согласилась. Видно, ей тоже хотелось отвлечься от возникших проблем. Из столовой мы вышли в коридорчик, который привел нас на открытую веранду. Она выходила на одну из площадок для отдыха, где стояла удобная скамья в окружении декоративной зелени. В центре площадки находился небольшой бассейн с фонтанчиком, водными растениями, а также крошечными островками-композициями из камня и цветов.

Пройдя по галечной дорожке, мы вышли к летней кухне с душем, баней и сауной. Достопримечательностью этого уголка был дворовой камин, чуть поодаль от которого, под аркой из винограда, стоял легкий стол и стулья, где можно было пообедать. В конце сада, куда нас привела узкая тропинка, обсаженная цветами, на подиуме из дикого камня стояла деревянная беседка. По ее внутреннему периметру тянулась скамья, в центре стоял круглый столик. Под жестяным куполом висела лампа, стилизованная под старинный фонарь. С трех сторон беседка была защищена кронами деревьев и кустарником, а четвертая сторона выходила на открытое пространство. Именно отсюда виднелось безбрежное море, скалистый берег, испещренный еле заметными тропинками, ведущими к галечному пляжу. Также просматривалась часть крыши детского санатория, расположенного в бывшем графском особняке. Из рассказов Динки мы узнали, что ребятня частенько делает набеги на близлежащие сады.

Весь следующий день мы провели на пляже. К загоранию я подхожу очень осторожно, поэтому дозировала солнечные ванны. Жанна и Вита, уже имеющие неплохой загар, солнечных лучей не опасались, а вот Лилька своих сил не рассчитала и на ужине предстала перед нами с красным лицом, обильно смазанным бальзамом после загара. На ее спину и пле-

чи, сплошь покрытые пузырями, было жутко смотреть. Посидев немного с нами и почти не притронувшись к еде, она ушла в дом. Надо сказать, что стол был накрыт в саду под виноградной аркой. До поспевающих янтарных кистей можно было дотянуться рукой. Мы же с удовольствием попивали чай из душистых крымских трав с горным медом и вели душевную беседу под мелодичное стрекотание сверчка. Круг луны на еще светлом небе становился все ярче и ярче, сумерки сгущались. С моря дул ветерок, неся запах водорослей, перемешанный с ароматом сосен, можжевельника и горных трав.

Звонок мобильного телефона Дины прозвучал довольно резко и настойчиво. Мне показалось, что подруга была вовсе не рада этому звонку, но пересилив себя, приложила телефон к уху.

– Да, – недовольно произнесла она, и, прошептав нам: «Простите, девчонки», отошла в сторону, скрывшись за виноградником.

В это время Жанна рассказывала смешную историю, а я, улетев мыслями куда-то далеко, не могла отвести глаз от совершенно белого шара луны.

– Что? Опять из «Атамаско»? – вздрогнула я от Динкиного голоса, раздавшегося позади меня.

Я обернулась. В просветах между виноградными листьями белело ее платье.

– Орут?! Требуют?.. – спрашивала Дина кого-то. – Ты ска-

зала, что мы делаем все возможное и невозможное? Люди почему-то отказываются у них работать... Хорошо, передай, что постараемся... Пока.

Дина возвратилась за стол.

– Дела? – участливо поинтересовалась я.

– Они, родимые, куда от них денешься! – нарочито весело произнесла подруга, достав из вазы конфету.

– Прости, так получилось, что я слышала разговор, – осторожно начала я.

– Не бери в голову.

– А можно спросить?

– Валяй! – разрешила подруга и откусила половину конфеты.

– Что такое «А-та-мас-ко»? – произнесла я по слогам, незнакомое слово.

– Это название очень дорогой виллы. Купил ее бывший рок-музыкант. Звезда, блин! За неделю до вашего приезда гувернантка и горничная попросили расчет, а до этого сбежала еще одна горничная. На вилле остался садовник, кстати, он работает и у меня, повар, латиноамериканец, дворецкий и экономка, которая ничего не боится на этом свете, кроме беспорядка. На виллу также приходят инструктор по плаванию и массажист. Может, работают еще какие-нибудь специалисты, не знаю, но к моему агентству они не имеют никакого отношения. Мои попытки направить в «Атамаско» других горничных и гувернантку не увенчались успехом, поче-

му-то все, понимаешь, все отказываются там работать. Вроде бы на вилле что-то нечисто. Так вот, жена этой звезды теперь требует от меня прислать двух горничных и гувернантку. Если послезавтра я не выполню ее требование, она грозит на весь Крымский полуостров ославить мою фирму, да так, что к нам даже «бродячая собака не забредет»...

Динка криво усмехнулась и, опустив голову на сложенные на столе руки, всхлипнула. Я стала гладить подругу по голове. Жанна и Вита, ничего не понимая, обступили нас, и мне пришлось вкратце изложить им суть дела. Девчонки тут же наперебой принялись давать советы по усмирению «сумасшедшей тетки».

– Ой! – вдруг подскочила Динка. – А вдруг это происки Антонио?! Он обещал мне отомстить, вот и мстит, а?

– Все возможно, – закивала головой я, но увидев, как Витка вертит пальцем у виска, – быстро добавила, – но я в этом не уверена.

– Секундочку... – Динка даже привстала, – ну, конечно, как же это я сразу не догадалась! Это он и она! Да-да, он и она.

– Расшифруй, – попросила Жанна.

– Мой бывший муж и его любовница Мария Пожарская. Они мне мстят за то, что я с позором выгнала их из фирмы.

– Ну, в жизни все бывает, – глубокомысленно заявила Вита, – но почему для мщения они выбрали именно виллу «Атамаско», а не какую-нибудь другую?

– Да потому что эта вилла принадлежит звезде. Еще пару дней – и город будет наводнен журналюгами. Им только дай сенсацию, пусть даже касающуюся бегства персонала виллы. Вот тогда-то и выплывет, что эти ненадежные работнички из моей фирмы. Да что там говорить!.. Все, девочки, мне – конец, – обреченно завершила свою речь Дина.

– Не расстраивайся ты так, – поспешила успокоить хозяйку дома Жанна, – все утрясется.

– Боже мой! – воскликнула, глядя куда-то в пространство, Дина. – Как я могла забыть?! Как я могла забыть?! Это Ленка Стасов, бизнесмен, мой второй муж. Не может простить мне развод.

– А, может, твои бывшие мужья вообще тут не причем? И фирма твоя не при чем, – наконец, вставила и я свое слово. – Вполне вероятно, что существуют иные причины ухода прислуги, о которых мы даже не подозреваем. Например, угрозы фанаток. Насколько я знаю, горничные и гувернантка были привлекательными девушками. Вот и приревновала какая-нибудь фанатка своего кумира к одной из них. Возможно, даже стала угрожать. В конечном итоге вилла осталась без двух горничных и гувернантки. Или... – поспешила я выдвинуть еще одну версию, – ревнивые женихи...

– У всех сразу?! – бросила Вита.

– Стоп, девочки! Не увлеклись вы своими версиями? – остановила нас Жанна. – Тут человеку фирму надо спасти, а вы?!

– Но что мы можем сделать? – пожала плечами Вита.

– Поработать на вилле «Атамаско», пока Дина не разрулит ситуацию с персоналом, – неожиданно для себя самой предложила я.

– Вы что, девчонки?! Да пусть горит эта фирма ясным пламенем, вы же сюда отдыхать приехали! – замахала руками Дина. – Если возникнет необходимость, я просто найму детектива. Есть тут одна знаменитость по фамилии Рокс.

– А что, в предложении Сони есть рациональное зерно, – задумчиво произнесла Вита, пропустив мимо ушей слова Дины. – Соня была бы прекрасной гувернанткой, а я и Жанна, думаю, справились бы с работой горничных. Разумеется, если бы нас кто-нибудь ввел в курс дела.

– Да я сама обучу вас всем премудростям не хуже любого менеджера, тренинг проведу завтра же, дома. В первой половине дня вы поедете на морскую прогулку, а я подготовлю для вас документы, ну, там, резюме, договоры, – уже щебетала повеселевшая Дина.

– А я?! – обиделась Лиля.

– Ты... ты будешь висеть на телефоне и координировать наши действия, а заодно лечить кожу от ожогов, – быстро сообразила Вита.

– Всегда, ну всегда мне достается все самое неинтересное, – недовольно проговорила Лиля.

Глава 4

Двумя неделями ранее

Алан Северцев еле открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света.

«Проклятая Эдита, опять не опустила жалюзи», – подумал он и какое-то время лежал с закрытыми глазами, пока не услышал совсем рядом чье-то легкое сопение.

Как же он мог забыть! Еще вечером, будучи подшофе, он затащил в постель горничную. Вот почему не опущены жалюзи.

«Зараза, думает, если спит с хозяином, то ей все позволено», – бросил злой взгляд на спящую девушку Алан и принялся ее тормошить.

Разбудив служанку, он велел ей опустить жалюзи и принести завтрак. Полусонная девушка, пошатываясь, направилась к окну. Алан повернулся на другой бок, натянув простыню на голову, и застонал. Снова пришло это безжалостное утро. Опять нужно будет что-то делать, делать и делать. А ему трудно даже открыть глаза. За что же ухватиться сегодня, чтобы прожить этот день? За что?! Может, сегодня делать то же, что и вчера? А чем он занимался вчера? В последнее время память ему изменяет. Семейный доктор предостерег, что алкоголь и наркотики в конце концов его убьют. По-

скорей бы! Он больше не видит смысла в жизни после того, как распалась группа. Даже новая покупка, вилла на берегу моря, которая обошлась в одиннадцать миллионов долларов, совсем его не радует.

Скрипнула дверь, и горькие раздумья Алана прервал сонный голос Эдиты:

– Простите. Я не поняла. Вы хотите завтракать?

– Да! – раздраженно бросил Алан, стащив с головы простыню.

– Но сейчас полночь, я принесла початую бутылку вина.

– Давай, – приказал Алан и, приподнявшись, выбил пробку из бутылки и отхлебнул из горла. – Чего стала?! Брысь в постель, – заорал он на Эдиту, вытирая рот белоснежной шелковой простыней.

Девушка выключила ночник. Затем послушно легла на спину и, взявшись за края простыни, натянула ее на голову. Так Эдита обычно демонстрировала хозяину свою обиду на него.

«Черт с тобой!» – подумал Алан и, сев на край кровати, надел черный шелковый халат.

На ходу завязывая пояс непослушными пальцами, он подошел к окну и застыл, глядя на огромный диск луны, светящий прямо на него. Алан протер глаза. А он-то, чудак, подумал, что это светит солнце. Да, с наркотиками пора завязывать. Иначе... Он не мог двигаться, зачарованный ночным пейзажем. Ему казалось, что его самого не существует, что

он растворен в этом застывшем подлунном мире. Черно-серебристая гладь моря лежала неподвижно и походила на космодром, где устремились в небо, будто ракеты, островерхие скалы. Ни дать ни взять сюрреалистический пейзаж. И только плеск волн, едва доносившийся откуда-то снизу, не давал забыть о реальности. Алан уже не мог спать. Он вышел на видовую площадку, окунувшись в аромат цветущей магнолии, которая росла возле забора, подсвечиваемого фонарями, и закурил. Какая-то ночная мошка влетела ему в глаз. От неожиданности он зажмурился. Когда прошли неприятные ощущения, он открыл глаза и заметил три тени, метнувшиеся к дому. Подойдя ближе к балюстраде, Алан успел различить три человеческие фигуры, одежда которых отсвечивала зеленым светом, наверное, это были какие-то блестки. Он вновь закрыл глаза. В этот раз он открывал их медленно. А для большего ощущения реальности даже ущипнул себя. Ну конечно же, никого нет! Алан отнес странное видение с зелеными человечками к алкогольному опьянению. Выкурив сигарету, он плюхнулся в кресло, стоящее сбоку от окна его спальни, и задремал, убаюканный шелестом волн и обласканный легким бризом.

Пренеприятнейшее ощущение заставило Алана проснуться: онемела рука, на которую он склонил голову. В полусонном состоянии он принялся ее растирать, только сейчас ощутив холод. Придется идти в комнату. Он тяжело поднялся с кресла. Сильно болела и кружилась голова. Еле добрав-

шись до кровати, Алан повалился на нее. Тотчас перед глазами поплыли разноцветные круги, и он забылся в мучительном сне.

Он проснулся от каких-то голосов и приоткрыл глаза.

– Боже мой, он жив! – послышался радостный голос его жены Евы.

– По всей вероятности, милсдарыня, ваш супруг отсутствовал именно в то время, когда преступник пробрался в спальню и, думая, что в постели находится хозяин виллы, застрелил горничную, укрытую простыней до макушки. Вы же, войдя в спальню и увидев кровавое пятно на простыне, решили, что муж, тентер-вентер, убит, и в панике бросились за помощью, – вещал хриловатый мужской голос со стороны видовой площадки.

Он принадлежал детективу Роксу Петру Тимофеевичу, низкорослому полноватому мужчине лет шестидесяти в легком летнем костюме с короткими рукавами. Надо сказать, что бежевый цвет костюма прекрасно освежал детектива, контрастируя с его бронзовым загаром.

– Какая кровь, какая убитая? – с трудом шевеля пересохшими губами и потирая лоб, растерянно произнес Алан. – Кто эти люди?

– Милиция, дорогой, и детектив Петр Тимофеевич Рокс, – объяснила Ева и шепотом добавила, – это я ему позвонила, его все знают и прислушиваются к его мнению. Уверена, он поможет нам.

Взгляд округленных глаз Алана заметался между женой и двумя незнакомыми парнями, один из которых был в белых резиновых перчатках с маленьким чемоданчиком, а другой с фотоаппаратом. Сначала они бесшумно ходили вокруг кровати, затем, нагнувшись над телом Эдиты, стали шептаться.

– Что там, ребята? – спросил тот же хрипловатый голос, оказавшись совсем рядом.

– Под кроватью нашли пистолет. Скорей всего, из него и стреляли, – объяснил один из парней. – На теле девушки найдено два пулевых отверстия: в области груди и в голове.

– Какой пистолет?! В кого стреляли?! – растерянно уставился на жену Алан.

– Женщину, которая спит... спала, тентер-вентер, с вами... убили, – объяснил знакомый голос.

– Что?! – воскликнул Алан и резко отодвинулся, чуть не упав с кровати, от неподвижного тела Эдиты, накрытого простыней с расплзшимися пятнами крови. – Это не я, это не я, – повторял он, глядя на жену.

– Мы вам верим, но ответьте, пожалуйста, на один вопрос: это ваша вещь? – Петр Тимофеевич многозначительно посмотрел на парня в перчатках, который держал его пистолет.

Алан с ужасом посмотрел на оружие убийства, осознавая, что под белой шелковой простыней с кровавыми пятнами мог находиться... он.

– П-похож на мой, но я не убивал, – умоляюще посмотрев

на жену, заявил Алан.

– Милый, конечно, не ты, – Ева погладила мужа по голове. – Я вернулась от знакомых где-то за полночь и сразу поднялась к мужу, – повернувшись к детективу, объяснила она. – Я помню, как включила ночник и увидела окровавленную простыню на Алане. Ужас! Я очень испугалась и выбежала из комнаты, подумав, что его убили.

– А как вы поняли, что это был ваш муж? – поинтересовался Рокс.

– Но кто еще мог спать в его постели кроме него?! Потом, он любит укрываться с головой. Правда, милый?

– Да, это так, – подтвердил Алан.

– Так вот, – продолжила Ева, приглаживая спутанные волосы мужа, – я спустилась вниз, разыскала Карлоса. Он позвонил в милицию, а я вам, самому известному детективу в Крыму.

Хозяйка «Атамаско» мило улыбнулась детективу.

– Благодарю вас, – сдержанно произнес Рокс.

– Помнишь, милый? – продолжала щебетать Ева, – Петр Тимофеевич из детективного агентства «Рокс и К». Он раскрыл ряд убийств в пансионате «Тефида»? Слава богу, эти ужасные события произошли до нашего приезда... – Итак, когда люди из милиции и я с Петром Тимофеевичем поднялись в спальню, то на кровати мы обнаружили уже двух человек: тебя и Эдиту... Ну, ты вспомнил Петра Тимофеевича?

– Да, конечно, любимая, но... – Алан кивнул на труп, –

это не то, что ты думаешь.

– Ах, дорогой, конечно, не «то». Ты ее не убивал, ты не смог бы.

– Ты что?! Я имел в виду не это, а...

– Да брось, я женщина современная и о-очень понятливая. И вообще, все знают, что эта тупоголовая Эдита сама вешалась тебе на шею.

– Но ведь за это не убивают?! – почти выкрикнул Алан.

– За что именно убивают, разберутся профессионалы. Правда, Петр Тимофеевич? – улыбнулась Ева своей самой очаровательной улыбкой, которая, по ее мнению, просто завораживала мужчин.

– Лично я, тендер-вендер, землю будут рыть, чтобы найти убийцу, – с готовностью подтвердил детектив.

– Вот видишь, дорогой.

– Я могу переодеться? – взглянув исподлобья на Рокса, спросил Алан.

– Конечно, – кивнул детектив, что-то обдумывая. – И вот еще что, Алан Владленович, ваш пистолет, как предполагаемое орудие убийства, будет отдан на экспертизу, а вам рекомендую город пока не покидать. Вы, надеюсь, понимаете, что на данный момент являетесь главным подозреваемым.

– Да, понимаю, – согласился Северцев.

Рокс вышел из спальни в коридор, где его уже ждала хозяйка дома.

– У меня есть одна просьба к вам и всем домочадцам,

включая прислугу, – оглянувшись назад, тихо проговорил Петр Тимофеевич.

– Я внимательно вас слушаю, – устало произнесла Ева.

– Пусть все, без исключения, хранят молчание о данном происшествии.

– Что отвечать любопытным? Куда делась девушка?

– Отвечайте просто: сбежала. Ведь я слышал, такое случается с прислугой, особенно, если это молодая особа.

– Но вы же понимаете, людям рот не закроешь. Где-то, что-то да просочится.

– Главное, чтобы эта информация не слетела с ваших уст, уст вашего супруга, ну и Карлоса, разумеется. Что же касается досужих домыслов... Они всегда были, есть и будут. А теперь, с вашего позволения, я хотел бы поговорить с прислугой.

– В этом вам поможет экономка Дарья Игоревна. Сейчас она должна находиться в гостиной.

Глава 5

Прогулочное судно «Миранди» сопровождали крикливые чайки, ныряя за кусками хлеба, которые бросали в воду экскурсанта. Судно курсировало вдоль берега. Сейчас оно приближалось к живописной бухте.

С видеокамерой наперевес я бегала с нижней палубы на верхнюю и наоборот, ища подходящие ракурсы для съемок прибрежных пейзажей.

– Девчонки, не свалитесь за борт! – бросила я, поднявшись на верхнюю палубу, где сидели мои подруги.

– Слушай, Соня, не забывай, что мы не 3-Б, – огрызнулась Жанна, повторив любимую фразу Виты, и демонстративно, еще сильнее, перегнулась через борт. – Смотри, вот это красота! – восхищенно произнесла она, глядя в сторону берега.

Мой взгляд прикипел к белоснежной вилле, расположенной на горе, утопающей в зелени деревьев. Хорошо, что я вовремя вспомнила о своей верной «подружке» видеокамере, с помощью которой мне удалось запечатлеть и рассмотреть почти каждую деталь строения.

«Вилла «Атамаско», – очень кстати объявил экскурсовод, и дальше полился рассказ об истории данного сооружения.

Это повествование я слушала невнимательно, всецело предавшись созерцанию виллы. Своим белым ликом она, окруженная вечнозелеными кипарисами и туями, гордо взи-

рала на бирюзовое море. Вилла «Атамаско» представляла собой двухэтажное здание с плоской крышей. На втором этаже полукругом располагалась видовая площадка с колоннами по бокам и белоснежной балюстрадой по периметру. С площадки открывался великолепный вид на различные по величине плато, спускающиеся к пляжу ярусами. По бокам видовая площадка плавно переходила в небольшие балкончики, которые завершались колоннами. На первом этаже находилась терраса, также окаймленная балюстрадой с витиеватыми балясинами. Ее своды поддерживались центральными колоннами, от которых шла вниз широкая лестница, ведущая на первое, самое большое, плато с фонтаном. С него боковые лестницы вели на следующее плато, поменьше. Главной его достопримечательностью был бассейн с небольшим водопадом, который как раз и находился между лестницами. Среднее плато, в свою очередь, переходило в маленькое, граничащее с пляжной зоной.

Залюбовавшись красотой виллы, я не сразу услышала вопрос Лили:

– А ты случайно не помнишь название виллы, на которой вы будете работать?

– Нет, хотя... – вручив подруге видеокамеру, я достала из сумочки записную книжку и, открыв ее на букве «в», пробежала глазами: «Вилла «Атамаско».

– Ну?! Как называется? – не отставала Лилька.

– Вилла «Атамаско»...

– Врешь! – не поверила в такую удачу подруга. – Дай, сама прочитаю.

Сунув мне в руки видеокамеру, которую я едва не уронила, она выхватила записную книжку и вслух несколько раз повторила название виллы.

– Я думала, Динка просто так ляпнула языком, а она действительно вас пристроила, – улыбнулась Лиля и повернула голову, чтобы еще раз окинуть взглядом исчезающее из виду строение.

– Да, уж, «пристроила», – согласилась я, вспоминая разговор с Динкой об этой вилле, купленной несколько лет назад какой-то знаменитостью.

– Соня! Соня! Ну, Соня! – окликнула меня Лиля, выведя из задумчивости, – слушай, а ты не помнишь, что там она рассказывала о каких-то форс-мажорных обстоятельствах?

– Обстоятельства?... – рассеянно начала я, настраивая видеокамеру, потому что именно в этот момент мое внимание приковала уже другая вилла, вилла «Девози», о которой говорил наш экскурсовод. От виллы «Атамаско» ее отделяла гряда скал. Вилла была старинной. Постройка датировалась концом 19 века и принадлежала какой-то знатной особе царской фамилии, потом ее купил некий дворянин своей любовнице, затем там обосновался детский санаторий, а после перестройки его выкупил новый русский и стал сдавать за немалые деньги. Восточный стиль сооружения чувствовался во всем. Здание венчалось блестящим куполом,

окруженным четырьмя остроконечными башнями. Все здание опоясывал орнамент с восточными мотивами, окаймляя арочные окна и центральный вход с колоннами. Детально виллу, конечно, трудно было рассмотреть, да и деревья местами закрывали здание, но рассказ экскурсовода дал возможность дополнить собственное впечатление о великолепном строении.

– Так, ничего конкретного, – опустив затекшую руку с видеокамерой, продолжила я отвечать на вопрос Лили, – сказала, что горничные попадают разные. Девчонки-то, как правило, все молодые, а вокруг лето, море, запах магнолии, сногшибательный аромат дорогих мужских парфюмов и сигарет. Вот и загуляет какая-нибудь девушка, а то и забеременеет, на работу не явится или начнет опаздывать, вот и увольняют. Чем не форс-мажорные обстоятельства? Или еще хуже, с хозяином виллы разводит шуры-муры, а тут узнает его жена и... Тоже форс-мажорное обстоятельство. Кстати, Дина показывала мне и Вите фотографии девушек, которые работали на вилле «Атамаско». Видные девчонки, ничего не скажешь. Особенно выделялась горничная Эдита. Немного раскосые голубые глаза, полные губы...

В следующее мгновение я потеряла нить разговора, потому что залюбовалась очаровательной девушкой, будто только что сошедшей с обложки глянцевого журнала мод. Она как раз поднималась на верхнюю палубу, где находились мы, поэтому я, как заправский папарацци подняла видеокамеру,

будто снимаю чаек, а сама постепенно направила объектив на девушку.

Из-под огромной белой шляпы весело смотрели огромные зеленые глаза в обрамлении белых завитков. Ровный шоколадный загар эффектно подчеркивал белый сарафан в пол с высоким разрезом сбоку, который при каждом шаге открывал стройные ноги в стильных красных босоножках на высокой платформе. Сняв с плеча легкую красную сумочку, девушка села на свободное сидение и устремила свой взгляд на лестницу, по которой только что поднялась.

«Наверное, кого-то ждет», – подумала я.

Мне даже стало интересно, кто сейчас появится: элегантный блондин или brutальный брюнет? И вот глаза незнакомки потеплели, и я увидела поднимающуюся по лестнице... девушку. Точнее сказать, сначала показалась коричневая широкополая шляпа, великолепно сидящая на рыжеволосой голове с ниспадающей челкой до синих глаз, в которых зажегся ответный огонек. Странно, лицо этой девушки показалось мне знакомым.

«Где же я могла его видеть?» – призадумалась я, продолжая снимать.

А девушка тем временем ускорила шаг, и вскоре перед взором пассажиров верхней палубы предстала еще одна грация, только в желтом сарафане, бежевых босоножках на шпильке и с коричневой сумочкой через плечо. Когда красавица села рядом с подругой, мой интерес к незнакомкам поубавил-

ся, и я переключилась на старую крепость, приютившуюся на крутом склоне горы.

– Ты знаешь, – возобновила прерванный разговор Лиля, – затея с вашим трудоустройством мне не очень понравилась.

– Но Динка попросила нас поработать всего несколько дней, пока не подберет обслуживающий персонал для звезды, – защитила я свою подругу.

– Всего три недели отпуска, а вы, можно сказать, запретите себя в четырех стенах вместо того, чтобы купаться и загорать. – Сказав это, Лилия с силой бросила за борт пригоршню хлебных крошек, которые, попав на воду, тут же были съедены прожорливыми чайками.

– Пойми ты, дело не только в нас. Мне кажется, у Виты скрытая депрессия еще с Нового года. Помнишь, я тебе рассказывала, как мы увидели афишу о концерте этого...

– Алана Северцева? – подсказала Лилия.

– Да, его. Говоришь, «купаться», «загорать»... Не уверена. Ей нужна какая-то встряска. Пластинку бы ей поменять, там, в голове. Она должна окунуться в гущу интересных событий. Если эту гущу мы организовать не можем, то пусть побудет в роли горничной. Мне кажется, что работая в архиве, она сама покрылась пылью, как и те старинные рукописи, которые она изучает. Ее надо встряхнуть, вытрусить, поколотить, как ковер, чтобы выбить въевшуюся пыль.

– Не знаю, не знаю... Может, ее вылечил бы простой аквапарк или обыкновенная морская прогулка на банане, или

полет на парашюте, а?

– Виту это пугает, она плавать не умеет. Не хватало, чтобы к ее состоянию, прибавился еще испуг. Пусть уж лучше побудет горничной. Если что, мы рядом.

– Может, ты и права, – согласилась Лиля и, посмотрев на синее небо, произнесла, – как хорошо, даже не верится, что кому-то в это самое время может быть ужасно плохо.

А мне очень даже верилось, что моей подруге плохо. Она смеялась, ходила, гуляла, но все это делала автоматически. И всему виной та дурацкая афиша. Видно, воспоминания взяли верх, обида вновь заполнила ее душу и не дает жить. Еще тогда, зимой, втайне от Виты я купила втридорога билет и пошла на концерт группы «Летающие в бездну», чтобы посмотреть на этого Алана Северцева. Мне хотелось понять, что в нем могло зацепить мою подругу, и как с этим бороться. И вот, когда на сцене под грохот аплодисментов и визги фанаток показался немолодой сухощавый Алан Северцев, я возликовала, с какой радостью я опишу подруге этого невзрачного коротышку, измотанного наркотиками, алкоголем и женщинами. Но вот полились первые аккорды, и завораживающая ирреальная мелодия с добавлением подчеркнуто земных, урбанистических звуков заполнила весь зал, а на ее фоне, как глас из другого мира, прозвучал неземной, отрешенный вокал Алана Северцева. Его пение заморозило зал и... меня. Прямо на моих глазах этот невысокий человек превращался в великана. Его артистическому оба-

нению не было предела. Оно обволакивало каждого присутствующего в зале. Уже к концу представления я, предубежденно настроенная против Северцева, хлопала в экстазе вместе с остальной публикой. После концерта меня все время мучил вопрос: как такой талант может уживаться в человеке со звериными инстинктами?!

После путешествия мы с девчонками с огромной радостью возвратились в гостеприимный дом моей подруги. Сытно пообедав в тени виноградника, мы лениво побрели в беседку, где Дина решила провести тренинг, ведь завтра нам предстояло явиться на виллу «Атамаско» в качестве обслуживающего персонала. Подруга раздала нам ручки и маленькие блокнотики, сказав, что это наши будущие шпаргалки и находиться они должны, если не в руке или кармане фартука, то где-то поблизости. Сейчас мы должны не только слушать, но и записывать наиболее важную информацию, касающуюся нашей работы.

– Итак, горничная, – начала Дина и пристальным взглядом посмотрела на Виту и Жанну. – Горничная с проживанием, – уточнила наша тренинг-менеджер и перечислила ее обязанности, подробно остановившись на каждой из них.

Честно говоря, услышав слова «парогенератор», «экологическая уборка», «VIP-гардероб», я обрадовалась, что буду

работать всего лишь гувернанткой, а не горничной-всезнайкой.

Заставив девчонок зубрить конспекты подальше от беседки, Динка принялась за меня.

– Гувернантка с проживанием занимается образованием и воспитанием ребенка. Она водит своего воспитанника в музыкальную школу, бассейн, спортивную секцию, студию изобразительного искусства...

Вдруг Динка прервала свою речь.

– Но в случае с Эрикой Северцевой...

– С кем, с кем? – переспросила я, услышав, как мне показалось, знакомую фамилию.

– Эрика – дочь хозяев виллы «Атамаско», – объяснила Дина. – Эрика Северцева.

«Неужели звезда, купившая „Атамаско“, и есть Алан Северцев?! – испуганно подумала я. – Да нет же, – успокоила себя, – звезды шоу-бизнеса его масштаба стараются обзавестись недвижимостью где-нибудь за границей. Нет, не он. И все же...»

– А как зовут звезду? – поинтересовалась я.

– Алан, – ответила Динка и продолжила, – в случае с Эрикой, кроме всего прочего, гувернантке следует проявить особую чуткость, потому что девочка – инвалид. Она попала под машину и теперь передвигается на инвалидной коляске. Но понимаешь, Соня, здесь опасно и перестараться, потому что ребенок может почувствовать себя ущемленным.

Все, что говорила Динка, теперь я слушала краем уха, думая о том, как бы отказаться от затеи работать на вилле «Атамаско» или хотя бы сделать так, чтобы в этом не участвовала Вита.

Ничего не придумав, я решила посоветоваться с самой рассудочной из нас – Лилей. Найти ее мне удалось за летней кухней. Она сидела на лавочке в купальном костюме оливкового цвета, запрокинув голову назад, чтобы не упали колечки зеленого огурца, прикрывающие глаза. Над ней «колдовала» Люба, смазывая обгоревшее тело Лильки сметаной. Процедура подходила к концу: осталось покрыть спасительной массой лишь правую руку Лили.

«Жаль, что я не захватила фотоаппарат», – подумала я, увидев сметанное изваяние в зеленом купальнике.

Люба ушла мыть руки, а я, воспользовавшись моментом, тихо окликнула подругу.

– Соня, ты? – не меняя позы и едва открывая рот, спросила Лилия.

– Да, я. Слушай, надо посоветоваться. Тут такое дело...

– Ну, живей, а то Люба сейчас примчится.

– Понимаешь... Звезда, которая живет в «Атамаско»...

– Ну...

– Да что ты занукала, – не выдержала я, – на вилле живет Алан Северцев, – выпалила я.

– Что-о-о?! – Лилька резко опустила голову и широко раскрытыми глазами уставилась на меня. При этом колечки

огурцов, упавшие с век, благополучно приземлились на ее бедра, а подсохшая на солнце сметана, покрывающая лицо, кусками посыпалась вниз, припорошив купальник и голубой коврик, заботливо брошенный домработницей под ноги госте.

Когда шок от услышанного прошел, Лилька задумалась.

– Надо что-то предпринять, – наконец произнесла она. – Но что именно?! Сказать, что на виллу нужна только одна горничная, и ею будет Жанна? Тогда Витка справедливо задаст вопрос, а почему не она? Слушай, а, может, ей рассказать всю правду?

– Не стоит. Давай скажем, что преимущество отдали той горничной, которая умеет готовить. Тут, я думаю, Вита вряд ли будет спорить.

– А что, это выход, – обрадовалась Лилька.

– Динку я предупрежу, – бросила я на ходу и по тропинке, обсаженной самшитовыми кустами, побежала к дому.

В гостиной, куда я влетела пулей, было прохладно. На диване среди вороха разноцветной детской одежды сидела, поджав под себя ноги, хозяйка дома и внимательно рассматривала крошечный джинсовый комбинезон.

– Что ты делаешь? – не без удивления спросила я Дину.

– Садись, Сонечка, – вместо ответа предложила мне подруга и кивнула на диван.

Я села и только сейчас заметила, как розовая вязаная шапочка с «ушками», оказавшаяся рядом со мной, зашевели-

лась. Вместе с ней пришли в движение и рукава желтой шубки. От неожиданности я даже подскочила. Но вот из-под шапки «выползла» мохнатая мордочка Тосеньки.

– Ой, а это кто?! – обрадовалась я и осторожно взяла на руки собачку.

– Вот, посмотри, сколько классных вещей я приобрела для девочки, – радовалась подруга.

Динка выбрала из вороха вещей крохотные красные трусики с желтым бантом. Забрав у меня Тосеньку, она быстрыми движениями «вытряхнула» ее из шубки и стала натягивать трусики на сопротивляющееся животное.

– О! Красота! – восхитилась своей питомицей Динка. – Так, так, а сейчас... Отвернись, Соня. Сейчас, сайчас... Поворачивайся! Але – оп!

На этот раз Тосенька была в цветастом комбинезоне из розовой плащевой ткани.

– Это дождевик, а вот, смотри, писк собачьей моды – свитерок красненький с желтыми помпонами.

Подруга безжалостно стянула с Тосеньки комбинезон и принялась натягивать свитер на изрядно уставшую собаку.

– Дина... – попробовала я начать разговор о Вите, но подруга перебила меня.

– Посмотри, посмотри вот на это.

Честно говоря, я не поверила своим глазам – подруга держала в руках миниатюрные замшевые сапожки цвета хаки для... Тосеньки.

– А я и не знала, что есть собачьи сапожки, – пролепетала я, взяв в руки микрообувку и подумав, что подруге пора обзавестись собственным ребенком.

– Да что там сапожки! Вот зонтик, вот сумочка, а вот костюмчик для спорта... – захлебываясь, стала перечислять Динка, жонглируя вещами кукольного размера.

Наконец, к моей большой радости, Дина замолчала, и я поспешила воспользоваться паузой.

– Диночка, понимаешь, понимаешь... – подбирала я слова, – Вита не сможет работать горничной на вилле «Атамаско».

– Почему? – удивилась подруга.

– Дело в том... дело в том... – на ходу придумывала я ответ, что...

– Соня, успокойся, я прекрасно знаю, кому принадлежит эта вилла, – вдруг, как гром среди ясного неба, прозвучал голос Виты за моей спиной.

– Ты откуда взялась? – только и спросила я, медленно повернувшись к подруге и чувствуя, как у меня пылают щеки.

– Читала на террасе, а ты так спешила, что меня не заметила. Короче, я иду работать горничной, а мое личное не должно вас волновать.

Динка, ровным счетом ничего не понимая, вертела головой из стороны в сторону, глядя то на меня, то на Виту.

– Но откуда, откуда ты узнала, что вилла принадлежит?..

– На морской прогулке, – перебила меня Вита и спокойно

продолжила, – экскурсовод объявил.

– Неужели? Значит, я пропустила мимо ушей, когда рассматривала виллу, – растерянно пролепетала я.

– Девчонки, кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? – потребовала Дина.

– Ровным счетом ничего, – улыбнулась Вита и, подойдя к Дине, положила ей на плечи руки, – все в порядке, мы выручим твою контору. В конце концов, подруги должны помогать друг другу.

Глава 6

Утро следующего дня выдалось теплым и солнечным. Лично для меня это было очень важно, потому что настраивало на оптимистический лад, ведь где-то в глубине души я очень даже сомневалась в своих гувернантских способностях.

Натянув джинсовые капри и футболку, я вдруг подумала, что в первый день знакомства со своей воспитанницей гувернантка должна появиться в чем-то более консервативном. И я надела бежевое платье спортивного стиля с короткими рукавами и четырьмя карманами: два кармана-обманки находились на груди, а два настоящих – на юбке. В один из этих карманов я положила мобильный телефон. Я хотела спросить у Виты насчет своего внешнего вида, но сделать это мне так и не удалось, потому что подруга выглядела какой-то рассеянной, видно, как и я, она тоже нервничала. Зато наша младшая подруга Жанна волноваться даже не собиралась. Она была убеждена в том, что переживать должен, прежде всего, тот, кто ее нанимает. Пока мы ставили сумки (зачем нам чемоданы на три дня?!) в багажник, Лилька бежала за нами, давая ценные, как ей казалось, указания. Из-за ее болтовни я чуть не забыла свою любимую сумку-багет, декорированную разноцветными пайетками, в которую еще с вечера положила ноутбук.

– Так, девочки, по коням! – посмотрев на часы, скомандовала Дина и села за руль.

– Почему так рано? – заныла Лилька. – Еще половина шестого. Позавтракали бы вместе.

– Некогда, – отчеканила Динка, – их рабочий день начинается ровно в шесть.

Лилька бросилась нас обнимать, но строгий голос Динки, раздавшийся из окна автомобиля, ее остановил.

– Перестань, ты что, в самом деле, на весь отпуск их отправляешь?! Минимум на три дня, а может, и того меньше.

– Я просто хотела их подбодрить, помочь...

– Помочь?! – Динка задумалась, – а что ты действительно можешь им помочь. Залезь в интернет да «нарой» материалчик про эту самую звезду, а именно: все о ее семье, привычках, друзьях, творчестве, кулинарных пристрастиях и так далее. Я думаю, что эти сведения могут девчонкам пригодиться.

– Перешли все, что «нароешь», на мою электронную почту, – заговорщицки шепнула я на ухо Лильке.

– Так, девчонки, сколько можно, в машину! – в очередной раз скомандовала Динка и завела мотор.

Удобно сев на прохладное сидение, я сразу же устремила взгляд в окно, предвкушая небольшую экскурсию по городу, ведь утренний приморский город это что-то особенное. Кое-где на уставших от веселья площадях горят потускневшие разноцветные огоньки. В воздухе все еще держится

запах шашлыка и шаурмы. На летних площадках кафе, работающих до последнего клиента, суетятся официанты, стараясь быстрее убрать со столов и, наконец, отправиться домой. Лениво парят в воздухе разноцветные шары, привязанные за длинные шелковые ленты к железной ограде, украшая вход в шатер цирка-шапито, выросшего на набережной. Длинные, как сосиски, грушевидные и круглые, они так и норовят вырваться из окружения собратьев. Тут и там метут улицы дворники, сражаясь с взлетающими разноцветными обертками и кулками от мороженого и чипсов.

Люди не покидают улиц ни на миг. На смену полусонной молодежи, которая еще не ложилась и у которой еле хватает сил добрести домой, приходят отдыхающие пенсионеры. С первыми лучами солнца они покидают съемное жилье и спешат занять места на пляже. Затем подтягиваются семьи с детьми, молодые пары, мамы с грудничками.

Через двадцать минут моя экскурсия по городу завершилась белоснежными воротами виллы «Атамаско». Они открылись почти сразу после того, как Динка просигналила. Автомобиль плавно проехал по дороге, вдоль которой росли стройные кипарисы и алые розы. Затем объехал клумбу перед домом, которую венчала великолепная агава в белом вазоне. Остановился автомобиль у широкой беломраморной лестницы, ведущей на застекленную веранду с распахнутыми настежь окнами и входной арочной дверью. Видимо, услышав шум мотора, на пороге появилась высокая

плечистая женщина среднего возраста с грубыми чертами лица и совершенно неуместной химической завивкой. Одежда она была в розовую шелковую блузу с коротким рукавом и серую юбку. Такой тип женщин обычно называют «фельдфебель в юбке». Скорей всего, это и была та суровая экономка, на которой держится вилла «Атамаско».

Мы вышли из машины и, взяв свои сумки, направились к крыльцу, по центру которого был установлен пандус.

«Дочь хозяеввиллы – инвалид-колясочник», – вспомнила я, глядя на женщину, медленно спускающуюся по лестнице нам навстречу.

– Экономка собственной персоной, – шепнула мне на ухо Динка.

– Доброе утро! – прозвучал грубый голос, вполне соответствующий облику своей хозяйки.

– Прекрасно, вас встречают, а я поехала, – скороговоркой проговорила Динка и, помахав нам рукой, села в машину.

– Прошу вас, пройдите в гостиную, – проводив долгим взглядом отъезжающий автомобиль, проговорила экономка и жестом пригласила следовать за ней.

Мы пересекли веранду и через двустворчатые двери попали в гостиную, своды которой поддерживались четырьмя колоннами в греко-римском стиле. Комната была залита ярким солнечным светом, который беспрепятственно проникал через два панорамных окна, еще более расширяя пространство. При входе в глаза сразу бросились массивные

напольные вазы, стоящие по обе стороны двери. Даже беглый взгляд на них давал возможность понять, что перед вами раритетные произведения искусства. И все же, главным украшением комнаты, по моему мнению, был камин с белым мраморным порталом и старинными каминными часами. Напротив него полукругом стояли белоснежные кожаные кресла и диван, на которые предложила нам сесть экономка.

– Хозяйка виллы, Ева Станиславовна, – деловито начала экономка, – поручила мне ввести вас в курс дела. Итак, меня зовут Дарья Игоревна, я экономка. Всей работой домашнего персонала руковожу я, поэтому, если будут появляться какие-нибудь вопросы, обращайтесь ко мне. Дальше. Я требую неукоснительного выполнения своих обязанностей, скромного внешнего вида и достойного поведения. А теперь, что касается жилья. Горничные живут в домике для прислуги, а комната гувернантки находится в этом доме рядом с комнатой Эрики, дочери хозяев виллы. Дело в том, что девочка – инвалид и передвигается на коляске...

Вдруг мы услышали позади себя ужасный грохот. Я обернулась и увидела в дверях гостиной темноволосую девочку с хвостиками, лет десяти, сидящую в инвалидной коляске, рядом с которой валялись осколки только что разбитой китайской вазы. На лице девочки я не заметила и тени раскаяния, только злорадная улыбка скривила ее бледное личико.

– Эрика! Что ты сделала?! – ужаснулась Дарья Игоревна,

подбежав к девочке. – Это же парная ваза времен императора Цяньлуна из династии Цин! Твой папа заплатил огромные деньги за нее. Что он скажет?! Теперь нет пары и...

Внезапно девочка, нажав на кнопку, развернула коляску и умышленно, я в этом уверена, сбила и другую вазу.

– Ч... ч... что э-э...?! – потеряла дар речи Дарья Игоревна и, присев на корточки, дрожащими руками стала собирать осколки только что красовавшихся раритетов.

Честно говоря, мне стало жаль женщину и я взялась помогать ей, изредка поглядывая по сторонам. Я заметила, как Эрика ловко вырулила на крыльцо веранды и, съехав с него, неторопливо двинулась по кипарисовой дорожке.

– Чудовище! – прошептала Дарья Игоревна, – просто чудовище!

Стук каблучков заставил меня поднять голову. По лестнице спускалась блондинка модельной внешности в легком зеленом сарафане. По тому, как она держалась, я сразу поняла, что это хозяйка виллы Ева Станиславовна. Когда она подошла ближе, я увидела, что цвет ее глаз в тон сарафана. Красота женщины поразила меня, но красота эта была какой-то отталкивающей. Если провести параллель с цветочным миром, то Еву Станиславовну можно сравнить с прекрасной лилией, запах которой не все переносят. Пожалуй, не красота женщины, а именно чувства, которые рождала эта самая красота, заставили меня вспомнить, где я могла видеть Еву Станиславовну. На прогулочном судне! Шоколадная девуш-

ка в белом!

— Что здесь произошло? — резанул слух металлический голос красавицы.

— В-вот... Эрика... разбила... — протянув вперед ладони, на которых лежали осколки вазы, дрожащим голосом объяснила Дарья Игоревна.

— Как?! Как она могла?! Такие деньги... Дрянь! — зло проговорила женщина и вдруг совсем неожиданно бросила экономке, — а вы, куда смотрели вы?! За что я вам плачу? А-а?! Болтаете здесь... — хозяйка дома бросила уничтожающий взгляд на нас.

— Это новенькие, горничные и гувернантка... я собиралась вам доложить... но... — поспешила объяснить экономка.

— Дарья Игоревна... — попробовала я вступить за женщину, но меня бесцеремонно перебила Ева Станиславовна.

— Пусть ждут здесь, — чеканя каждое слово, произнесла она и стремительно покинула гостиную.

Мы с Дарьей Игоревной перестали подбирать осколки и наблюдали за хозяйкой виллы. Жанна и Вита подошли к нам. В следующее мгновение мы все были свидетелями неприятной сцены. Догнав Эрику, Ева Станиславовна со всей силы ударила девочку по щеке, сопровождая это действие бранными словами. Эрика схватилась рукой за больное место, застыв от боли, а потом, разрыдавшись, свернула на узкую тропинку, ведущую в сад.

— Бедная девочка, — прошептала я.

– Мачеха есть мачеха, – тихо проговорила экономка.

– Мачеха?! Ева Станиславовна?! – удивилась я.

– Да. Настоящая мать Эрики находится в психиатрической лечебнице. Не знаю, почему я вам все это рассказала. Хозяин меня убьет, если...

– Что вы, что вы, Дарья Игоревна, не волнуйтесь, об этом никто не узнает, – поспешила заверить я взволнованную женщину.

– Подмести надо, – засуетилась экономка, увидев, как к крыльцу подходит Ева Станиславовна.

Хозяйке виллы, по-видимому, удалось взять себя в руки, потому что, войдя в гостиную, она уже мило улыбалась.

– Прошу вас, присаживайтесь, – указала она рукой на диван. – Дарья Игоревна, продолжайте свою работу. Вот только... Кто из вас гувернантка? – вопросительно посмотрела на нас Ева Станиславовна.

– Я, – робко отозвалась я.

– Кажется, я немного погорячилась. Найдите Эрику и постарайтесь ее успокоить. Я надеюсь на ваш профессионализм.

– Конечно, конечно, – с готовностью подхватила я и направилась к двери.

– Вы заметили, на какую тропинку свернула девочка? – вслед мне крикнула Ева Станиславовна.

– Да, – уже на крыльце ответила я и, сбегав вниз по лестнице, торопливо пошла по аллее.

А вот и та дорожка, на которую свернула Эрика. Миновав «живой забор» из фигурных самшитовых кустов, которые были выше моего роста, я очутилась в райском саду, забыв на время, с какой целью я сюда явилась. По обе стороны дорожки, выложенной ажурной белой плиткой, росли плетистые желтые и красные розы, между ними белели пышные соцветия гортензий, дальше простирались лужайки из бархатистой зеленой травы с островками сиреневых, желтых и оранжевых лилий. Я шла, как замороженная. А дальше и вовсе остановилась, открыв рот от восхищения, потому что дорожка проходила между двумя «стенами» из красного и фиолетового клематиса. Пройдя между ними, я неожиданно нашла Эрику. Она сидела в коляске, опустив голову, изредка вытирая слезы. Мне захотелось как-то утешить девочку. Не знаю, откуда у меня взялась смелость хозяйничать в чужом саду, но я подошла к «живой стене» и сорвала небольшую лиану клематиса, усеянную красными цветами. Затем, согнув гибкий стебель и кое-как скрепив оба конца, надела себе на голову готовый венок.

– Привет! – весело проговорила я, подойдя к девочке.

От неожиданности та вздрогнула и резко обернулась, но, увидев мое радостное лицо в обрамлении красных цветов, улыбнулась в ответ. Ее улыбка получилась немного вымученной, но искренней.

– И я хочу такой же! – воскликнула девочка.

– Фиолетовый цвет подойдет? – спросила я.

– Да! Подойдет!

– Тогда вперед! – скомандовала я и побежала впереди коляски к «стене».

– А тебе идет, – как бы между прочим сказала я, надев на Эрику венок с фиолетовыми цветами.

– Правда? – недоверчиво посмотрела на меня девочка.

– Честное слово. Сейчас я тебе это докажу, минутку.

Я достала из кармана платья телефон и сфотографировала девочку таким образом, чтобы кресло не попало в кадр.

– Ну вот, смотри, – я передала мобильник Эрике.

С экрана телефона смотрела миловидная девочка со счастливой улыбкой на лице, обрамленном фиолетовыми цветами.

– Ух, ты! – непроизвольно вылетело из уст Эрики. – Неужели это я?!

– Конечно, ты. А хочешь, я тебе поставлю такую же ставку на рабочий стол твоего компа и в телефон, хочешь?

– Да, очень!

– Тогда пойдем?

– А ты кто? – спросила Эрика, следуя за мной на инвалидной коляске.

– Я твоя гувернантка, а зовут меня Соня.

– А отчество?

– Просто Соня.

– Здорово! Хочешь, я покажу твою комнату? Она находится рядом с моей.

– Это будет удобно? Дарья Игоревна хотела сама...

– Да она только спасибо скажет.

По пандусу Эрика въехала на крыльцо. Я едва успевала за ней. В гостиной уже никого не было. Видимо, Дарья Игоревна повела Жанну и Виту в домик для прислуги, потому что их вещей в гостиной не оказалось. Не было также и моей сумки.

«Наверное, девчонки захватили ее с собой», – подумала я.

Однако я ошиблась, потому что моя сумка уже стояла в комнате гувернантки, которую и собралась показать мне Эрика. Едва ступив на порог, я сразу ощутила запах моря, который вносил легкий ветерок через открытый настежь балкон. Отодвинув воздушную белую штору, я посмотрела в окно, где до самого горизонта простиралось море. Я вышла на полукруглый балкон, который правильней было бы назвать видовой площадкой. Она была выложена коричневой и бежевой плитой в виде огромного цветка. Я немного прошла вперед и остановилась как раз в его середине, на мгновение почувствовав себя Дюймовочкой. Насладившись этой ролью, я подошла к краю площадки и, положив руки на балюстраду, залюбовалась белоснежным пароходом, проплывающим по бирюзовому морю.

– А вот и я! – раздался голос Эрики, которая выехала на коляске из соседней комнаты (окна нескольких спален выходили на видовую площадку). – Чудесно! Теперь мы вместе будем смотреть на море и корабли.

– Конечно, – согласилась я, подумав, как одиноко больной девочке в этом огромном красивом доме-музее. – А теперь беги, включай свой компьютер, а я подойду через несколько минут.

Мне не терпелось рассмотреть более внимательно свою спальню. Комната была большой и светлой, как, наверное, и все комнаты в этом доме. Ее цветовая гамма была выдержана в бежевых и розовых тонах. Кровать, по моим меркам, была великовата, на ней с легкостью поместились бы, кроме меня, еще два человека. Справа от кровати стоял изящный бежевый столик с овальным зеркалом в оправе того же цвета. Под столиком я обнаружила милый розовый пуфик. Слева от моего ложа находилась прикроватная тумба с ночником, имеющим абажур терракотового цвета. На противоположной стороне комнаты стоял журнальный столик с двумя глубокими креслами. В углублении возле двери притаился белый трехстворчатый платяной шкаф с зеркальными дверцами. Посередине лежал зеленый ковер с огромными бежевыми и розовыми цветами. Бежевые шторы прекрасно дополнял ламбрекен розового цвета. Собираясь выйти из комнаты, я еще раз окинула ее взглядом и пришла к выводу, что она мне подходит.

Эрика встретила меня улыбкой. Оказывается, она уже давно сидела на диване, ожидая меня. Правда, не одна, а в компании белого игрушечного мишки ростом с нее. Ноутбук лежал на коленях девочки. Я плюхнулась на диван, пе-

реместила ноутбук на журнальный столик, стоящий рядом, и быстренько сбросила фотографии из мобильного. Вскоре с экрана монитора смотрела на мир кареглазая девочка в венке из фиолетовых цветов. Затем мы переключились на детские фотографии Эрики.

– А хочешь, я покажу тебе мою маму? – вдруг спросила девочка.

– Конечно!

– Настоящую маму, – грустно добавила девочка. – Папа и Ева не разрешают ей жить со мной.

– Где она живет? – поинтересовалась я.

– В психиатрической лечебнице, – горько улыбнулась Эрика и уточнила, – на окраине города. Меня иногда к ней возят, но очень редко.

Эрика навела курсор, нажала кнопку мышки. На мониторе появилась миловидная темноволосая женщина с пухленькой девочкой на руках.

– Это я с мамой, – прокомментировала Эрика. – Здесь мне три годика. – А это я с родителями в зоопарке.

На фотографии я увидела Алана Северцева с семьей. Он и его первая жена, женщина с огромными грустными глазами, держали дочь за руки и улыбались, глядя на ручную обезьянку в смешном красном платице и розовой шапочке.

– Добрый день, – вдруг совсем неожиданно раздался мужской голос.

– Папа! Папа! – воскликнула Эрика и бросилась к мужчи-

не. – Посмотри, посмотри, какую заставку сделала мне Соня.

Я быстро закрыла файлы с семейными фото и с облегчением вздохнула, когда на мониторе показалось лицо Эрики.

– Великолепное фото, – похвалил мою работу хозяин виллы. – Вы, кажется, наша новая гувернантка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.